

СОДЕРЖАНИЕ

Чтобы не забывали

- Автор идеи Евгений Бузев об истории создания книги
«Она развалилась» 9
- Вспомнить все: предисловие к переизданию 12

Красно-коричневое колесо

- Журналист Олег Кашин о важности свободного
восприятия истории 17

#USSRCHAOS555_ECONOMICS

Привет, капитализм!

- Финансовый аналитик Владимир Рожанковский об эре
кооператоров 27

В рынок с головой

- Пенсионерка Лариса Александрова о том, как советские
граждане начинали рыночные отношения 33

Лишь бы страховка не подвела

- Альпинист Борис Кашевник о советском
импортозамещении 39

Стояние у Горбатого моста

Поражение шахтеров в «рельсовой войне» 1998 года
на страницах газет 43

Соната для каски

Профессор Давид Мандель об особенностях
рабочего движения 68

#USSRCHAOSSS_POLITICS

Период полураспада: хроника ускорения

Основатель «Яблока» Вячеслав Игрунов о роли
диссидентского движения 73

Прощай, нерушимый

Анализ освещения развала СССР на страницах газет
в 1991 году 82

ОМОН: «Обязем Молчать Оппозиционно Настроенных»

Из истории постсоветского ОМОНа 108

Свободные радикалы

Писатель Алексей Цветков о национал-большевистском
движении 114

Свой среди чужих

Депутат Андрей Захаров о защите Верховного Совета
в 1993 году 128

Ставки сделаны, ставок больше нет

Несколько слов о президентских выборах 1996 года .. 137

Борьба за зеленое счастье планеты

Радикальные экологи о ельцинской вольнице 141

Приключение иностранца в России

Финский анархист Антти Раутиайнен о революционном
туризме 149

СОДЕРЖАНИЕ

#USSRCHA0555_SOCIETY

В погоне за НЛО

Уфолог Вадим Чернобров о преимуществах гласности 155

Жизнь мунитов

О секте Муна рассказывает очевидец 161

Моментальная зависимость

Нарколог Юрий Вагин о том, чем дышала перестроечная молодежь 168

Археология советской смерти

Социолог Сергей Мохов о перестройке в ритуальной сфере 175

#USSRCHA0555_EXUSSR

Чужим здесь не место: Баку-90

Али Гусейнов о национальной самоидентификации ... 183

Нулевой Майдан

О выступлениях в Киеве в 1990 году глазами участника событий 187

Предтечи «Правого сектора»

Историк Эдуард Андриющенко об ультраправых объединениях на Украине 192

Кавказская кухня

Бывший премьер-министр Грузии Тенгиз Сигуа о конфликте Гамсахурдии и Шеварднадзе 206

Кровавый Душанбе

Пресса о гражданской войне в Таджикистане 214

#USSRCHAOS555_CULTURE

Страх и отвращение на Первом

Сценарист Марина Потапова о том, как делалась молодежная передача на центральном канале 256

От квартирников к стадионам

Музыкальный критик Артемий Троицкий о том, как русский рок растерял революционный потенциал 262

Король желтой прессы

Творческий путь Юрия Петухова 269

Борьба за историю

Интервью с бывшим руководителем Государственной архивной службы России Рудольфом Пихоя 278

Поп-пророк, сыгравший свою смерть в кино

Кинокритик Арсений Занин вспоминает талант Игоря Талькова 296

Вместо послесловия — к пятилетию переиздания книги

Юрий Сапрыкин. История распада советской империи еще не написана 308

Илья Будрайтскис. «Она развалилась» как народная история 313

Сергей Эрлих. От противопоставления к преемственности. Уроки и выводы памяти о девяностых 316

Примечания 322

Об авторах 329

Ч Т О Б Ы Н Е З А Б Ы В А Л И

Автор идеи Евгений Бузев об истории создания книги «Она развалилась»

Паблик «Она развалилась», посвященный распаду СССР, существует на базе социальной сети «ВКонтакте» с 2014 года. Это информационный агрегатор, позволяющий собрать на одном ресурсе фотографии, бессистемно разбросанные в Сети, опубликовать забытые мемуары или познакомить подписчиков с неизвестными видеокадрами. Один из основателей проекта Евгений Бузев рассказывает о том, как родилась идея выйти за пределы социальной сети и написать эту книгу.

Историю паблика я рассказывал несколько раз, пришла пора рассказать историю этой книги. Я до сих пор удивляюсь той популярности, которую получил проект «Она развалилась». Удивлялся и тогда, когда мы впервые задумались о том, как выйти за пределы социальной сети, хотя в паблике на тот момент состояло в два раза меньше людей, чем на момент написания этих строк.

Варианты были разные: от магнитиков на холодильник до перевода сообщества в формат сайта. Но идея с книгой показалась наиболее глобальной и, что ли, материальной. Наконец, именно этот вариант позволил аккумулировать хотя

бы часть накопленного материала, сделать его ценным не только в развлекательном, но и в историческом смысле.

Как писать? — задумались мы. Грандиозный объем работы не позволял и думать о том, чтобы заняться этим непосредственно администраторам сообщества, у многих из которых к тому же не было опыта журналистской или писательской деятельности. Нанять профессионального автора? Ведь существуют люди, которые специализируются на написании исторического научпопа и издают десятки книг на всевозможные темы. Но я работал в книгоиздании и хорошо знал, что это за люди. Не говоря даже об уровне большинства специалистов такого рода — они привыкли работать для аудитории совсем не нашей. Нас читают люди до тридцати (вот и повод для удивления, ведь получается, что девяностых они почти и не видели, не говоря уж о перестройке). А эти авторы обычно пишут для куда более взрослых людей.

При этом сегодня очевиден интерес к научно-популярной публицистике, регулярно появляются сайты и другие площадки такого рода. От этой мысли мы и оттолкнулись, когда решили привлечь к работе над книгой не профессиональных историков или писателей, а журналистов. Журналист — это профессиональный популяризатор.

И, как я считаю, не прогадали, потому что, когда работа была закончена, я посмотрел на рабочее оглавление и понял, что такую книгу я бы и сам приобрел с удовольствием.

Когда дело дошло уже до конкретного обсуждения творческих планов, мы видели два варианта: учебник по истории перестройки и девяностых годов или же бумажный аналог паблика с отрывочной информацией понемногу обо всем.

Но и первое, и даже второе уже было написано до нас. И мы решили сделать то, что не написано: книгу о забытых девяностых. Какие-то большие, но слишком очевидные

темы мы сознательно оставили в стороне, чтобы рассказать о том, что обычно забывают. Например, о войне в Таджикистане у нас гораздо больше, чем о чеченских кампаниях. Политическим кризисом 1993 года мы пожертвовали, чтобы подробно рассказать о величайших в российской истории шахтерских стачках 1998 года. Так что эта книга, во-первых, о том, что забывают учебники.

Во-вторых, когда паблик «набрал вес», то к нам на огонек начали регулярно заглядывать участники тех событий, о которых мы писали. Участники боевых действий, политические активисты, обыватели, даже некоторые забытые уже медиаперсоны, вроде известного националистического деятеля девяностых Александра Баркашова.

Они рассказывали о том, как исторические события были для них повседневной реальностью, поправляли, спорили, а иногда просто ругались. И это второй важный элемент нашей книги — рассказы очевидцев, *oral history*. Немало страниц мы отвели интервью с людьми, которые или делали историю, или переживали ее день за днем.

При этом мы не оживляем историю, мы не про историю, а про память. Знаменитый французский историк Пьер Нора сформулировал концепцию «мест памяти» — ключевых точек, которые заставляют переживать людей «непрерывное настоящее». Сегодня России не хватает именно памяти, памяти как реакции на события нашего прошлого.

Надеюсь, что книга станет важным элементом очень хрупкой памяти о том не очень большом, но очень насыщенном периоде, о котором сейчас не хотят вспоминать. Память не предполагает идеализации или осуждения. Память — это, прежде всего, уроки и выводы, которые, кстати, могут и меняться. Но чтобы они были, нужно помнить.

Будем помнить вместе.

Евгений Бузев

**Вспомнить все:
предисловие к переизданию**

Для одних развал СССР и сегодня остается «главной геополитической катастрофой XX века», для других — началом новой эпохи и стартом совершенно иной жизни. Сотни читателей до сих пор спрашивают про название проекта: «Почему “Она развалилась”, ее же развалили! Надо говорить: “Ее развалили!”». Но как бы мы не относились к тому, что Советского Союза больше нет, мы должны помнить, что на самом деле это был не конец — ни жизни, ни советской эпохи. Все мы так или иначе живем в пространстве, которое было создано обстоятельствами этого распада и тем, что последовало за ним.

Выросли десятки миллионов людей, которые никогда не жили в СССР и мало что знают о нем. Они задают вопросы и пытаются найти ответы. Что это было? Как к этому относиться? Кто мы по отношению ко всем этим событиям?

Мы не пытаемся дать универсальных ответов — это невозможно: прошлое в нашей стране было и остается способом политической самоидентификации. Почти любой эпизод — от правления Ивана Грозного до Октябрьской революции — это «спорные вопросы истории», вокруг которых не утихают дебаты.

Если говорить о девяностых, то для этой эпохи не существует адекватного языка описания, а только набор расхожих клише. Поэтому нам кажется, что гораздо ценнее описать переживания, травмы и эмоции людей, опыт которых необходим для понимания девяностых. Как отмечал литературный критик Игорь Гулин, эта книга о процессах разложения, брожении умов и тел. То, что получилось —

хотя мы к этому и не стремились — во многом источник для будущих исследователей этого периода. Мы лишь одни из тех, кто достанет незначительную, но яркую часть того времени.

В паблике «Она развалилась» и одноименной книге есть истории на любой вкус: история погребальных ритуалов; жизнь и судьба короля бульварной литературы; медиапартизанство журналистов Первого канала. Культовые песни тех лет соседствуют в паблике с фотографиями Первой чеченской войны, забытые перестроечные фильмы мешаются с первыми рекламными роликами. Кто успел родиться до распада, услышав эти термины, легко прокрутит ленту в своей собственной памяти.

Кто родился позже, будет удивляться, рассматривая фотографии «переходного периода» — ОМОН на улицах Риги, дембельский праздник и банкет под евродэнс. Государство и общество оказались на пороге новой и неизвестной истории. Представьте, что это загадочное десятилетие аккуратно разложено по ящикам, полкам и шкафчикам старой бабушкиной «стенки». Раньше содержимое нельзя было трогать, перекладывать или доставать, но оно всегда красовалось на самом видном месте и занимало четверть комнаты. Теперь — все можно достать и пристально рассмотреть.

Помимо выпуска и переиздания «Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 годах» мы также успели поучаствовать в подкастах «Россия закрывается», «Изоляция», «Алло, это Тибет?», «Шурави». Придумали сценарий для компьютерной игры «Родина.doc» и документального сериала «Околоперестройка». Издали книгу «Они отвалились: как и почему закончился социализм в Восточной Европе», а сейчас готовим ее аудиоверсию. Готовим к выходу еще одно издание — книгу воспоминаний

ОНА РАЗВАЛИЛАСЬ

об уличной политике в стальные нулевые в России. Одним словом, как-то незаметно из паблика во «ВКонтакте» превратились в маленькое экспертное сообщество.

Дмитрий Окрест

Писать преамбулу ко второму изданию — это как писать письмо в прошлое. Семь лет назад появился паблик, пять лет назад вышла книга, а я снова обращаюсь к ним. С тех пор изменилось многое. И для «Она развалилась» и для меня лично. Так что второго моего предисловия не будет, будет дополнение к единственному.

Паблик оброс подкастами, циклом передач, футболками и всем прочим, чем неизбежно обрастают популярные проекты в социальных сетях. Можно сказать, что мы — те, кто делал сообщество — стали его заложниками, уже не получается бросить, отойти в сторону, кажется, ты всегда будешь каким-то элементом «Она развалилась», которого просят помочь репостом, угрожают физической расправой или которому вот нужно писать это самое предисловие.

Честно говоря, мне давно хочется избавиться от этой роли, что я и сделаю этим текстом. Мода на 1990-е как на часть какой-то идентичности, как своеобразная субкультура, уходит. Она так и осталась модой. Пришло время нормального, публицистического, культурного и научного анализа той поры, других медийных проектов, которыми уже занимается или займется в ближайшем будущем команда «Развалюхи».

Сам паблик, с которого начиналась вся эта эпопея с написанием книг, уже превратился в мемориал, в памятник самому себе, задав стандарт и форматы для многих подобных сообществ уже за пределами одной хиреющей социальной сети.

Быть хранителем памятника — занятие достойное, но мне уже не очень интересное. Я много раз думал, как на меня повлияла та эпоха: перестройка и 1990-е годы. Повлияла сильно, от бытовых до культурных привычек. Сейчас я понимаю, что не только на меня, а на всех-всех, кто сегодня живет на постсоветском пространстве, каждый день новости приносят эхо расстрела Белого дома или штурма Грозного.

Помним мы о нем или нет — прошлое всегда рядом.

Евгений Бузев

30 лет, которые прошли со времени распада Советского Союза, ментально перепахали постсоветское пространство настолько, что само представление о единой стране от Таллина на Балтийском море до Кушки вблизи границы с Афганистаном кажется относящимся даже не к истории, а к мифологии. Тем более что свои «черные» и «белые» мифы об этой единой стране с оценкой благ и ущерба от пребывания в ее составе усиленно формируются в каждом государстве, возникшем на месте СССР, включая и непризнанные. Таким же мифическим временем оказываются, по крайней мере в России, первые годы новой, постсоветской эпохи.

Поскольку с 2000 года в нашей стране начался иной политический период, никак не заканчивающийся и по сию пору, девяностые оказались выделены в отдельный период истории страны, также овеянный своими легендами. Книга не преследовала цели «разоблачения мифов» — скорее, здесь описаны те яркие, живописные или просто примечательные детали той переломной эпохи, которые сделали ее достойной мифотворчества. В ней зафиксированы моменты эффектного разъезжания когда-то единого пространства в разные стороны, которое происходило и в индивиду-

ОНА РАЗВАЛИЛАСЬ

альных судьбах, и в истории городов, стран и социальных групп. За почти пять лет, прошедшие с первого издания книги, в России стало еще больше принято говорить о трагичности распада СССР (главным образом, связанной с утратой прежней мощи государством со столицей в Москве) и о крае пропасти, на котором, как считается, встала наша страна в 1990-е.

Надеюсь, книга предоставляет читателю возможность оценить, чем фактически наполнялись дни и судьбы на этом самом «краю», а также понять, как виделась «трагичность» современниками событий. Возможно, после этого в оценках захочется пользоваться менее пафосными риторическими приемами, говоря о случившемся чуть проще: она развалилась.

Станислав Кувалдин

К Р А С Н О - К О Р И Ч Н Е В О Е К О Л Е С О

Журналист Олег Кашин о важности свободного восприятия истории

Собрание сочинений Солженицына странно смотрится на полке. Меньшая его часть — это то, что сделало Солженицына Солженицыным. Первые три рассказа, два романа и тот самый «опыт художественного исследования». Ранние и поздние вещи. Ну да, для того и существуют собрания сочинений, чтобы мы прочитали, с чего все начиналось и чем все закончилось. Нельзя снимать сливки без молока: и «крохотки», и довольно дикие стихотворные пьесы — это то молоко, которое, очевидно, заслуживает читательского любопытства. Но это сколько еще томов? Два, пускай три. А все остальное — «Красное колесо», которое, в общем, мешает. Неидеальное по исполнению, уплотняющееся от «узла» к «узлу» и срывающееся на хорошо заметную скорюпись, оно могло бы иметь ценность, если бы о предреволюционной и революционной России больше никто не писал, а если и писал, то мы бы были лишены возможности прочитать. Сейчас, когда все доступно, такое повествование едва ли имеет ценность, и это читательская досада — обнаруживать, что Солженицын большей частью состоит из «Красного колеса», которое не станешь читать взахлеб и которое не перевернет твоего представления о мире. Без «Архипелага ГУЛАГа» обойтись нельзя, без «Красного колеса» — можно.

И, видимо, стоило бы снабдить какое-нибудь новое его издание подробными примечаниями, но не о министрах и генералах, которые мелькают там, в «узлах», а о том контексте, в котором появлялись, по крайней мере, первые «узлы» — когда автор «Ивана Денисовича» оказался любимым героем шестидесятнической советской интеллигенции, воевавшей с призраком Сталина при помощи призрака Ленина и всерьез желавшей вернуться к, как тогда говорили, «ленинским нормам».

Это был системообразующий дефект всего поколения. Годы спустя мемуаристы списывали его на свою наивность и молодость. Но нет, это был сознательный выбор и сознательный конформистский компромисс, объединивший и молодежь, и ветеранов. Важно понимать, что Сталина развенчал Хрущев, а не Евтушенко и не Твардовский. Более того, есть очень большое подозрение, что, окажись посмертная судьба Сталина в руках не бронебойного номенклатурщика, а творческой интеллигенции, далеко не факт, что поэты и художники решились бы самостоятельно устроить свой «XX съезд»: кого-то остановила бы хранящаяся в серванте лауреатская медаль Сталинской премии, кому-то повезло лично разговаривать с вождем, и тот разговор заставил бы его отнестись к собственному антисталинизму как к предательству, кто-то просто происходил из семьи, многим обаянной воле Сталина. И в итоге вышел бы такой компромисс, в результате которого сейчас на Украине сносили бы не только памятники Ленину, но и памятники Сталину — за прошлые шестьдесят лет их бы никто не тронул.

Я так уверенно рассуждаю об этом, потому что есть исторический факт — на самостоятельный отказ от Ленина советская интеллигенция не решилась. У кого-то папа был старым большевиком, кто-то сам в молодости «Ленина видел» и пронес свой восторг через всю жизнь. Фактор «старых большевиков» нельзя сбрасывать со счетов — к нача-